

надгосударственных общностей. По большому счету глобализация и есть надгосударственность, с чем и связываются ее противоречие и конфликтные восприятия.

Становление и развитие новых транснациональных надгосударственных общностей «создает угрозу, - пишет В.В.Соколов, - для одной из фундаментальных ценностей цивилизации – гражданского равенства, поскольку люди, вошедшие в мощные и организованные объединения, получают преимущества перед людьми, не включенными в такие объединения или принадлежащими к относительно слабым общностям. Поэтому представительство и защита интересов людей, не входящих в такие объединения, становится одной из важнейших функций государства... Отказ государства от исполнения этих функций вызовет выпадение огромных масс населения как из мирохозяйственной системы, так и из гражданских политических отношений» [2, 14]. Эту же мысль продолжает и Н.А.Симония, подчеркивая, что «национальное государство должно отстаивать интересы своей страны и регулировать ситуацию не против глобализации, а за более гладкую, более бесконфликтную интеграцию данного национального государства в эти глобальные процессы. Вот почему роль национального государства даже возрастает, чтобы плавно интегрировать свое сообщество в мировое» [3, 40]. В этом смысле оно (государство) и призвано выступать гарантом сохранения национальных, этнических, культурных, языковых и иных ценностей, а глобализация в таком случае не должна означать размывание всех национальных рамок и культурной специфики.

Государства и общества, как известно, состоят из конкретных людей, выступающих носителями определенной культуры, традиций, мировоззрения, сознания и самосознания. Сознание человека является концентрированным выражением социально-практических и духовно-культурных ценностей определенной национально-территориальной среды обитания, выступает индикатором ее жизнеспособности и продолжателем в будущем. «Чистота» национально-культурного самосознания индивида определяется степенью естественности и подлинности связанного с ним социально-природного пространства.

Опасность глобализации, особенно в ее глобально-информационном, постиндустриальном измерении, состоит в том, что человек постепенно утрачивает каналы непосредственной связи с естественным природным и социально-культурным пространством, которое медленно растворяется в супертехнологическом развитии современного общества, унифицируется под воздействием новых стандартов массовой культуры и стилей жизни.

Литература

1. Вебер, А. Что стоит за так называемым антиглобализмом? / А. Вебер // *Мировая экономика и международные отношения*. – №12. – 2001.
2. Соколов, В.В. Контуры будущего мира: нации, регионы, транснациональные общности / В.В. Соколов // *Мировая экономика и международные отношения*. – №3. – 2001.
3. Симония, Н.А. Глобализация и неравномерность мирового развития / Н.А. Симония // *Мировая экономика и международные отношения*. – №3. – 2001.

СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Я.С. Яскевич

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь

Глобализация – естественно-исторический процесс и вместе с тем интегративная концепция, отражающая тенденции развития в экономической, политической, информационной, культурной сферах на современном этапе мировой истории.

Раскрывая исторические истоки глобализации, ориентируясь на опыт взаимодействия между различными цивилизациями, В.Л. Иноземцев четко и жестко заключает, что *глобализация* — это не процесс становления единой цивилизации, разделяющей пресловутые «общечеловеческие» ценности, а *процесс экспансии «западной» модели общества и приспособления мира к ее потребностям*. То, что сегодня называют глобализацией, более точно может быть определено как *вестернизация*, явления универсального по своему временному характеру и географическому охвату и представляющего собой модель технологического общества, управляемого из единого центра на основе единых принципов со всеми его атрибутами — от массового потребления до либеральной демократии, с четким различием между «ведущим» и «ведомым», центром и периферией [1, с. 21].

Глобализация, как отмечается в ряде работ, не является приметой нашего времени. Возникновение этого явления можно отнести к середине XV в., когда началось освоение географического пространства, европеизация, формирование капиталистических отношений, которое не было торжеством свободного рынка и общечеловеческих ценностей, но закладывались основы того мирового порядка, который мы наблюдаем и поныне. Именно эта «глобализация» с неизбежностью приводила к включению многих новых территорий в зону европейского влияния. Она резко активизировала международную торговлю и создала условия для распространения по всему миру единых принципов социального общежития, отсутствие которых воспринимается сегодня столь болезненно. И, наконец, эта «глобализация» не только трансформировала периферийные народы, но сделала более зрелым и сам западный мир. Не зря многие философы отмечают, что модернизировать, «будучи порождено Европой, в то же самое время само породило Европу» как социальную систему, способную к быстрому и динамичному развитию.

Не идеализируя времена европейского колониального владычества, современные авторы подчеркивают ряд обстоятельств, серьезно отличающих «глобализацию» XIX — начала XX вв. от глобализации нынешней. Во-первых, «глобализация» XIX — начала XX вв. имела *четкую направленность*: европейцы выступали движущей силой этого процесса, его субъектом, периферийные народы — объектом. Потоки технологий, товаров, финансовых ресурсов и людей двигались из Европы в направлении мировой периферии, а не наоборот. Эта «глобализация» фактически была, как уже отмечалось, *вестернизацией, то есть процессом распространения западных технологий, хозяйственных и политических форм на остальной мир*.

Во-вторых, «глобализация» XIX — начала XX вв. *не являлась «естественным» и «самоподдерживающимся» процессом*. На протяжении десятков лет европейцы прилагали гигантские усилия по переустройству периферии, освоению отдаленных регионов мира и включению их во всемирную систему культурного обмена, торговли и коммуникаций.

В-третьих, «глобализация» XIX — начала XX вв. выгодно отличалась от нынешней глобализации тем, что *европейцы поддерживали жесткий контроль над мировой периферией*. Они не только пресекали вооруженные столкновения населявших ее народов и полностью элиминировали потенциальные угрозы, которые она могла представлять для Запада, но и устанавливали культурное взаимодействие с этой частью человечества.

В-четвертых, «глобализация» XIX — начала XX вв. резко отличалась от нынешней той *ролью, которую играла в то время военная и хозяйственная мощь стран-гегемонов*. Несмотря на подавляющее превосходство европейцев в вооружениях и военной технике, реалии той эпохи требовали тонкого политического лавирования и образования союзов с периферийными народами (это иллюстрирует, в частности, история британского владычества в Индии).

С середины 90-х годов XX века вполне отчетливо обозначилась тенденция к замыканию постиндустриального мира, о чем свидетельствует статистика мировой эконо-

мики. На индустриально высокоразвитые страны Запада сегодня приходится: 76 % прямых иностранных инвестиций; 73 % объемов международной торговли; 88 % всех регистрируемых в мире патентов; свыше 90% пользователей глобальной сети Интернет. Углубляющиеся разрывы в технологическом и социально-экономическом развитии стран и народов приводят к формированию своего рода «клуба избранных», возведения новых, все более изощренных экономических барьеров.

Информатизация бизнеса и финансов с их перемещением в формирующееся виртуальное пространство ломает традиционные институты национальных суверенитетов, обеспечивая все возрастающее экономическое и культурное вторжение третьей волны цивилизационного развития. В последнее время усложняются отношения между силами индустриализма и «новой экономики», своеобразная смесь из которых определяет неповторимость обликов наиболее развитых стран. Однако общее направление процесса сегодня уже достаточно ясно: глобальная гонка будет выиграна теми странами, которые закончат свой переход к информационной цивилизации в кратчайший срок, с минимальными усилиями и без разрушительных внутренних социальных потрясений.

Распространение информационных технологий резко изменяет относительную ценность ресурсов, выводя на первый план интеллект и финансы как наиболее мобильные в условиях современной экономики, для которой возрастающее значение играет время и скорость бизнес-процессов. Важнейшим практическим следствием этой тенденции становится относительное обесценение традиционных технологий и продуктов их применения по мере распространения технологий, воплощающих новые принципы, ценные знания и обработанные информационные ресурсы. В русле этой тенденции США и технологически развитые страны проводят в последнее время политику «сбрасывания» за пределы страны не только экологически, но также «интеллектуально грязных» и примитивных производств с низким объемом наукоемкой продукции и прибыльности.

Основными последствиями развития и распространения информационных технологий являются: углубление сложившегося разрыва между развитыми и развивающимися странами, а также появление нового разрыва между постиндустриальными странами и странами с традиционными индустриальными экономиками; выделение во всех странах мира групп людей, связанных с информационными технологиями, и их обособление в автономное «информационное сообщество»; перетекание интеллектуальных ресурсов в наиболее развитые страны с постепенной концентрацией информационно-коммуникационного потенциала в корпорациях и государствах постиндустриального типа; замедление и/или прекращение научно-технического прогресса в отстающих с проведением информатизации общества, нарастание в них финансовых трудностей и социальной деградации.

Глобализация мировой истории, сопровождающаяся обострением кризисных ситуаций в экономической, финансовой, социально-политической, экологической и социально-духовной сферах современного цивилизационного развития, выдвигает на передний план проблему регулирования стихийных процессов в целях выживания человечества в новых условиях существования. Наибольшее внимание политологов, экономистов и других специалистов в настоящее время привлекает внимание вопрос *о судьбе и функциях конкретных государств в условиях глобализации.* Утверждения о неминуемом отмирании национальных государств представляются сомнительными. Координация политики государств в области правового регулирования информационного пространства, экологии, борьбы с терроризмом, наркобизнесом и преступностью, не ослабляет внешнеполитическую роль современного государства, требует усиления института государственной власти в области как международного сотрудничества, так и изменений в функциях государства внутри страны. Возникает парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что чем богаче и крепче внутренние связи общества,

чем больше уровень его экономической и социальной консолидации и выше значение системы «национального ромба», который графически выражает взаимосвязь и взаимодействие компонентов саморазвивающейся национальной экономической системы (производственных факторов, внутреннего спроса, уровня межотраслевой кооперации, стратегии банков и фирм), тем успешнее оно использует преимущества интеграционных связей в условиях глобализации [2, с. 238].

Глобализация означает процесс выхода людей, народов, наций, других человеческих популяций на общемировые, всечеловеческие потребности, интересы и условия жизни. Выходя на общее, можно реализовать особенное, индивидуальное. Во всечеловеческом объединении народов, постепенном, но неуклонном выравнивании уровней их социального развития, заложен смысл глобализации человечества. Если на предшествующих этапах социальной эволюции каждый народ жил по законам национальной истории, то на рубеже XVIII - XIX веков истории народов сливались во всемирную историю. В основании этого находились процессы интернационализации социально-экономической, политической и культурной жизни промышленных наций (М.Г. Алиев).

Вслед за объединением национальных экономик и историй интегрируются национальные культуры. Всемирно-историческое согласие ориентирует государственные власти и социальные институты на усиление взаимосвязи стран и народов во всех сферах жизнедеятельности. Инновационной формой глобализации человечества стало формирование охватывающего все человечество информационного пространства. В свою очередь, научная, политическая, социальная, экологическая и иная информация, а также знания превратились в основной элемент общественного богатства.

Всемирно-историческое согласие народов земного шара находит отражение и в других сферах жизнедеятельности. Национальные государства провозглашают более или менее тождественные правовые принципы и нормы, признают приоритет общечеловеческих ценностей и норм международного права, прав и свобод человека и гражданина, исходя в своей деятельности из принципов равноправия и самоопределения народов. Глобализация в правовой сфере проявляется в формировании и функционировании системы международных организаций, осуществляющих свою деятельность на основе принципов, изложенных в международном праве (ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы и др.).

Активность информационных процессов к концу XX – началу XXI века стала столь высокой, что возникает необходимость адаптации всей системы культуры к становящемуся глобальному информационному пространству. *Изменяется традиционная система культурной коммуникации, в результате чего начинается разрушение локального характера культуры* [3, с. 27-43].

Формируется общее коммуникационное пространство, пронизывающее все культуры, с общепринятыми правилами, нормами и стереотипами коммуникации. Становление глобального коммуникационного пространства несомненно меняет характер диалога между отдельными локальными культурами. Глобальное коммуникационное пространство само создает правила и способы диалога между культурами как необходимые средства и условия межкультурного общения. Классическая эпоха локальных культур с ее завершенностью, стационарностью, наличием соответствующих культурных оппозиций («свой-чужой»), пространственной отдаленностью друг от друга, своего рода «иммунитетом» к другой культуре, не допускающей чуждых элементов и влияний, относительно замкнутой семиотической, языковой системой, жесткой рационально-теоретической парадигмой с высоким статусом и верой в науку, трансформируется в современной ситуации в *Глобальное Коммуникационное Пространство*.

Современное коммуникационное пространство создает иные правила и способы общения, обеспечивая динамичное развитие культуры, теряющей стационарность и завер-

шенность, разрывая границы между культурами и создавая предпосылки иного типа культурного единства. В общемировом общении начинают, к примеру, господствовать интегративные языковые тенденции, расширяется «псевдокультурное» поле общения, когда диалог осуществляется по принципу наиболее доступных, совпадающих смысловых структур, с общими стереотипами, общими оценками, общими параметрами требуемого поведения. Общее коммуникативное поле значительно расширяет возможности диалога, одновременно упрощая его. Разнообразие локальных культур поглощается при этом интегративной суперкультурой. Кроме этого, становление глобального коммуникационного пространства приводит к увеличению скорости разрушения старых ценностей, к сжатию временных рамок этого процесса (иногда этот процесс укладывается в рамки жизни одного человека или того меньше), не позволяя новым символам и знакам адаптироваться к традиционной знаковой системе ценностей. Нарушается также пропорция между высокой и низкой культурами. Низовая культура становится массовой как по количеству вовлеченных в нее субъектов, так и по упрощению потребляемого продукта.

В условиях информатизации обществ и глобализации международной жизни на первое место все заметнее выдвигаются обстоятельства социально-культурного порядка. «Культурный империализм» больше не захватывает территорию, но подчиняет себе сознание, образ мышления, образ жизни (Жак Ланг, 1982). Культурный империализм утверждает, что один набор ценностей заведомо выше и лучше другого. Поэтому все более очевидной становится необходимость сохранения национальной культуры как культуры определенной нации, сложившейся на протяжении ее исторического развития на основе этнической культуры.

Глобальное взаимодействие культурных традиций, не оставляющее иллюзий о сохранении «чистых», локальных образований в их первоначальном этническом и социокультурном изоляционизме, приводит к становлению в XXI столетии *глобальной культуры*, с глубинным диалогом философии, религии, морали, искусства, науки и новой шкалой *общечеловеческих ценностей*.

Исследование оснований современной культуры обнаруживает ее трагедии и парадоксы, этические перекосы и новые смыслы, требуя от философа погрузиться в отдельные области - науку, политику, право, этику, эстетику и т.д. и обязывая тем самым философа становиться философом науки, философом права, этики, эстетики. В акте современной философской рефлексии обнажаются проблемы выживаемости человека и человечества, его экологической выживаемости, сохранения целостности человеческой личности, формирования коммуникативного единства человечества, механизмов обеспечения личностной и национальной самоидентификации. В этом плане современную философию по выполняемым ею интегративным функциям можно назвать *«симфонической»*, объединяющей философов и философствующих ученых по выработке новых мировоззренческих приоритетов и ценностей личностного и вещного бытия человека.

Современное общество риска предъясвляет новое понимание глобализации, включающей в себя политическое, социальное, гуманитарное, философское ее измерение и систему ценностей, этическое отношение, ответственность за исторические перспективы цивилизационного развития человечества.

Литература

1. Иноземцев В.Л. «Глобализация» национальных государств и современный энергетический кризис//Проблемы теории и практики управления. 1999. №3.
2. Яскевич Я.С. Социальная философия: антиномии человеческого бытия. - Мн., 2005.
3. Миронов В.В. Коммуникативное пространство как фактор трансформации культуры и философии//Вопросы философии. 2006., №2.